

*Посвящается тем,
кому хватает смелости делиться
своими правдивыми историями,
и тем, кто по-настоящему их слушает.*

СЕЙЧАС

ПРОЛОГ

Дорогой (ие) читатель (и)!

Десять месяцев назад я не знала, что пружина из матраса может послужить самодельным оружием, а стержень из бачка унитаза — молотком.

Десять месяцев назад я никогда бы не подумала, что обоняние может настолько обостриться, что тяжелый запах собственного дыхания выдергивает даже из крепкого сна, а вареный рис обладает совершенно ясным ароматом, не слабее жареного попкорна.

Десять месяцев.

Тому назад.

Я никогда не задумывалась, насколько важен свет — и как без него алогичные мысли, словно крысы, грызут мозг, сводя человека с ума.

У меня также не было никаких причин предполагать, до какой степени я узнаю себя: маслянистый запах собственных волос, соленый привкус крови и четкое ощущение немытого тела (когда всю кожу покрывает ороговевший слой клеток и зуд, словно от ползающих по конечностям муравьев, доводит до исступления).

Можете звать меня Джейн N. Ради сохранности собственного рассудка я решила не раскрывать имя. Соответственно, имена всех других людей и названия

мест — также выдумка. Я хочу рассказать историю в деталях, но не смогу, если придется до паранойи опасаться, что меня вычислят. Истории я люблю, но до сегодняшнего дня написать свою не пыталась. Хотя меня просили, и не раз. Киноагенты и издатели предлагали шестизначные суммы, только бы получить полный доступ к тому, что случилось за семь месяцев моего отсутствия. Я всех их послала подальше. Хочу сделать это сама, на своих условиях.

Может, я повела себя как стерва.

Но мне все равно.

Год назад в таком случае я бы запела совершенно иначе. Тогда меня волновало чужое мнение, а еще я верила в человеческую доброжелательность.

Теперь же я девушка, которая спит в шкафу с ножом под подушкой и никому, кроме себя, не доверяет.

Все говорят, мне нужно полечиться. Но у терапевтов свои цели, наименьшая из которых — помочь мне. Они просто хотят залезть ко мне в голову, прославиться на громком деле, продать полученную информацию желтым газетам и оплатить обучение своих детей. Я уже говорила, что параноик? (Вроде да.) В любом случае становится чьим-то источником заработка я не собираюсь. Лучше сама все расскажу. А потом, однажды, кто знает... Возможно, мои слова уберегут какого-то беднягу от тех же ошибок, что совершила я.

Искренне ваша,

Джейн N

ТОГДА

1

Тем утром, десять месяцев назад, шел дождь. Я помню, потому что рано встала в надежде отправиться на пробежку. Но минутная стрелка дошла до четверти девятого, а небо упорно не желало проясниться. На улице были сплошь лужи, а я только-только купила новые кроссовки — фиолетовые «найки» с ярко-зелеными вставками и толстыми розовыми шнурками. Забавно сейчас о них вспоминать; если бы я так не тревожилась о чистоте новой обуви, то не потеряла бы почти год жизни.

Уже стоя в костюме для пробежки, я отвернулась от окна, понимая, что облака внезапно не рассеются, солнце волшебным образом не покажется, а покрытые сине-зеленой радужной пленкой бензина лужи в ближайшие минуты не высохнут.

Мне так хотелось выбежать в восемь. Надеялась увидеть симпатичного парня, который тоже бегал по утрам. Мы кивали друг дружке, пересекаясь у фонтана, всегда примерно в половине девятого. Отважится ли он выбежать в дождь? Может, просто послать все подальше и надеть старые кроссовки?

Я уже пошла за ними, когда на телефон пришло сообщение от Шелли.

«Сюрприз! Вернулась домой из чертова кемпинга на день раньше. Вкратце: оч надо повидаться. В 9 норм?»

В «Омлете и всем таком»? Спасем мой потерпевший крушение ДР».

Как я отреагировала? Пришла в восторг. Я больше недели не видела Шелли, свою лучшую подругу. Но не прошло и двух секунд, как мозг пришел в себя, и я вспомнила: подарок-то остался на работе.

«Давай чуть позже?» — написала я. — *Иду на пробежку».*

«Пожаааалуиста», — ответила Шелли, сопроводив сообщение кучей хмурых смайликов.

Мне не хотелось ее разочаровывать. У подруги и без того выдалось на редкость дерьмовое лето — и встреча семнадцатого дня рождения в унылом кемпинге с семьей, обожающей распевать шлягеры, к тому же совершенно без сотовой связи, определено счастья ей не добавила.

«Ау! Ты там?» — позвала Шелли.

Я глянула на часы. Если выйду сейчас, успею заскочить в магазин, забрать подарок и явиться в «Омлет и все такое» к девяти. *«Увидимся на месте»*, — ответила я.

Мама уже встала и сидела за кухонным столом в халате с узором из снежинок (ну и что, что на дворе лето?).

— Привет. — Она подняла глаза от своего журнала «Вяжем с умом». На обложке был портрет какой-то ошпаренной курицы, вяжущей шарфик, причем плотно сильно смахивало на вспученный попкорн. — На пробежку собралась?

— Уже нет.

— Отлично, тогда можем поболтать за чашкой кофе.

— Прости, некогда. Поболтай с папой.

— Ага, только он еще в кровати, соня эдакий. — Мама скривилась. — Похоже, наши воскресные посиделки остались в прошлом.

— Не пора его поднимать?

— Я уже пыталась. Он вчера допоздна работал... лег далеко за полночь.

— Я бы осталась, но обещала Шелли позавтракать с ней, — объяснила я.

— Она уже вернулась?

— Да, и мне нужно срочно добыть ей подарок.

— Что ж, ты определенно по адресу. У меня куча сувениров.

Мне не хотелось спорить, но в том, что касалось дарения, мы с мамой условно жили на разных планетах. Если она обитала в мире «я купила это на распродаже, сама не знаю зачем, так что пока засуну это в и без того переполненный ящик со всяким хламом», я жила во вселенной «мои друзья мне как родные, так что я тщательно выбираю подарок каждому из них».

Тем не менее мама выскочила из-за стола и побежала через всю кухню к бельевому шкафу, где хранила свою сокровищницу. Похоже, перспектива найти-таки применение некоторым спонтанным приобретениям взбодрила ее даже больше, чем напиток из кофейных зерен, которые папа привез из Новой Гвинеи.

Пару минут спустя мама вернулась с ящиком и выудила бейсболку с принтом в виде дынь.

— Шелли очень пойдет, у нее как раз лицо в форме сердечка.

Как сочетаются сердца и дыни было за пределами моего понимания. Видимо, мама почувствовала мои сомнения, потому что вновь нырнула в ящик и достала устройство для лепки снежков (!), перчатки из искусственного меха и бирюзовые часы, которые своим видом кричали «нафталин!».

— Что не так? — спросила мама, заметив отвращение на моем лице.

Вместо того чтобы констатировать очевидное, я прикусила язык.

— Я уже купила Шелли подарок. Он в магазине у Нормы. Можно я съезжу туда на твоей машине?

Мама посмотрела в окно, и уголки ее губ опустились. Она всегда до смешного переживала, если мне нужно было ехать в дождь или снег (не говоря уже о тумане, слякоти, мокром снеге, граде и темноте).

— Нет, ты, конечно, можешь отвезти меня сама, — предложила я, точно зная, что мама не почует подвоха. — Подождешь, пока я упакую подарок, а потом подбросишь меня в «Омлет и все такое». Я напишу, когда соберусь домой. Если, конечно, у тебя не будет времени отвезти нас с Шелли в торговый центр или кино...

— Бери машину, — перебила мама. — Только езжай аккуратно.

— Спасибо. — Воспрянув духом, я схватила ключи с крюка.

Когда же почти семь месяцев спустя я наконец вернулась домой, мои чудесные кроссовки — фиолетовые, с ярко-зелеными вставками и толстыми розовыми шнурками — так и стояли в шкафу, спасенные от дождя и грязи. Совершенно как новые.

А вот я была разбита.

Практически сломлена.

Во всех.

Возможных.

Смыслах.

СЕЙЧАС

2

Наутро я просыпаюсь и вижу маму.

На полу.

Рядом со мной.

Посреди коридора, прямо у их с папой комнаты.

Мама касается шрамов на моей руке — темно-розовых полосок, что тянутся от костяшек к запястью, точно нити разорванной паутины. Мягкий свет моего фонарика отражается в маминых голубых глазах. Она начинает напевать одну из мелодий «Звуков музыки», как делала всегда, когда я прибежала к ним с папой, если мне снился кошмар.

Я укрыта теплым одеялом. Точно мама принесла. Я-то взяла с собой только подушку и холодную простыню с кровати.

Сколько мама уже лежит тут и смотрит, как я сплю? Хочу спросить ее, как-то объяснить, почему я здесь. Рассказать, что прошлой ночью шкаф уже не показался мне достаточно надежным укрытием.

Мама перестает петь. Я открываю рот... но не нахожу нужных слов.

— Спи, — шепчет она, подсовывая руку себе под голову. У мамы нет ни подушки, ни одеяла, только кости и плоть, да хлопковая ночная рубашка, что

отделяет ее от холодного твердого пола. — Завтра будет новый день.

Вот только мне не хочется думать о завтра. Я мечтаю остаться здесь, в промежутке между днями, месте, где не нужно переживать, что кого-нибудь расстрою или скажу что-то не то.

Месте без ожиданий.

ТОГДА

3

Улицы были тихими тем утром, десять месяцев назад. Возможно, всему виной дождь — а точнее, глубокие лужи, из-за которых я и не отправилась на пробежку. Облака все никак не давали небу проясниться — это я запомнила, потому что ярко горели фонари, отбрасывая длинные полосы света на мокрый асфальт.

Я заехала на заднюю парковку «Шкафа Нормы», бутика, где работала. Хозяйка, Норма, пару месяцев назад вручила мне собственный комплект ключей, решив, что я заслужила ее доверие и могу открывать и закрывать магазин сама.

Я вошла через черный ход, чувствуя до странного затхлый запах восковых свечей, которые она все пыталась продать. Вообще Норма человек хороший, но у нее столько нерабочих идей касаясь того, что можно выставить у кассы, чтобы спровоцировать посетителей на спонтанные покупки. Вот у нас и торчало шесть громоздких ящиков, попусту занимающих место.

Я закрыла за собой дверь и включила свет. Подарок Шелли уже недели три лежал на полке за кассой и все никак не мог попасть ко мне домой. Почему — ведь я за него сразу заплатила, — можно объяснить только банальной ленью. Теперь это еще один повод упрекнуть себя.